

¹⁰ *Чепурин А.* О союзничестве и комплементарности во внешней политике Еревана // *Международная жизнь*. 2004. № 1. С. 49.

¹¹ *Русецкий А.* От войн и насилия к Южно-Кавказской системе региональной безопасности. Формирование атмосферы мира, стабильности и доверия на Южном Кавказе // Ереван, 2002. Июль. С. 12.

¹² <http://www.regnum.ru>

¹³ *Официальный сайт программы НАТО «Партнерство во имя мира»* // <http://www.nato.int/pfpr>

¹⁴ *Саркисян С.* Южный Кавказ: проблемы региональной безопасности. Выступление министра обороны Армении. 2006. 7 февраля.

¹⁵ <http://www.regnum.ru>

¹⁶ *Осканиян В.* О компонентах безопасности Армении // *Голос Армении*. 2002. 31 октября. С. 5.

¹⁷ *Котанджян Г.* В повестке – комплементаризм и многовекторность оборонной политики // *Голос Армении*. 2002. 16 ноября

¹⁸ *Новое время*. 2003. 6 мая.

¹⁹ *Джилавян А.* Еще одна формула безопасности // *Независимая газета*. 2000. 20 мая.

²⁰ *Ханбабян А.* СНГ без победителей и побежденных // *Независимая газета*. 2000. 22 июня. С. 1, 5.

²¹ *Казарян А.* Россия выигрывает баталию за «общекавказскую безопасность» // *Независимая газета*. 2000. 14 июля.

²² *Независимая газета*. 2001. 18 сентября. С. 5.

²³ *Информационное агентство «Де-факто»*. 2003. 6 мая.

²⁴ Там же.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТВЕТ НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

**З.Ю. Руденко
(Россия, г. Астрахань)**

Либеральная идеология, внедрявшаяся в 1990-е гг. в сознание российских граждан как новая идеология государства России, не стала не только всеобщее признанной, но явилась лишь выражением политического сознания тонкого слоя участников либеральных реформ и приватизации¹. М. Смолин считает, что либерализм стал ассоциироваться в массовом сознании с ослаблением русской государственности, с разделением общества на множество отдельных групп, с бесконтрольным давлением СМИ. Общество спокойно отнеслось лишь к тому в либеральной идеологии, что соответствует естественной необходимости человеческой жизни, т.е. к снятию советского запрета на частную экономическую инициативу и свободу от советской идеологии. Все остальное будет нести на себе еще долгие годы почти всеобщее общественное осуждение². По словам А. Липкина, перед страной встали задачи творческой разработки идей развития и возрождения России в соответствии с новыми мировыми реалиями³.

Политологи намечают три возможных пути развития современной России. Каждый из описываемых вариантов не является идеальным, поэтому имеет как преимущества, так и недостатки. В любом случае выбор одного из них повлечет огромные изменения в российском пространстве власти.

Путь первый – построение либеральной империи на базе неоимпериализма. Многие граждане России являются носителями имперского сознания, что определяется историческими особенностями формирования русской идентичности. Массовое сознание является носителем державной психологии⁴, вследствие чего распад СССР, потеря статуса великой державы переживаются чрезвычайно болезненно.

В.А. Ачкасов приводит статистику, что 64,5 % россиян постоянно испытывают стыд за нынешнее положение страны⁵.

Имперский комплекс стал причиной возрождения «мифологического мышления», а власть начала активное использование традиционных политических мифов. В этом отношении показательно высказывание Т. Филипповой, заявившей, что «возможно, именно наши мифы помогут власти преодолеть нынешний ценностный хаос». По ее мнению, самая значительная державная мифологема прошлых столетий «Москва – третий Рим» транслировала, транслирует и будет транслировать наследственный генотип российского государственного самосознания⁶.

С одной стороны, это связано с психологической реакцией компенсации, когда единственным средством примирения с безрадостным настоящим становится обращение к славному прошлому. С другой стороны, создание мифологических конструкций сопутствует эпохе перемен и катаклизмов⁷. Разновидностью этого подхода выступают взгляды С.И. Каспэ, понимающего, с одной стороны, невозможность тотальной реанимации империи с чисто технической, ресурсной стороны, но с другой – он не исключает использование имперских политических технологий (а не имперской идеи) в целях более эффективной модернизации⁸.

Путь второй – отказ от имперских амбиций и строительство прочного национального государства на основе этнической самоидентификации русского народа или религиозного фактора. Так, один из сторонников такого сценария, И.Г. Яковенко, обращает внимание, что национальные государства тяготеют к «естественным границам», тогда как империи стремятся их преодолеть⁹. По его мнению, «в настоящее время Россия не в состоянии достроить до конца концепцию национальных интересов». Поэтому на данном этапе следует ограничиться тактическим уровнем национальных интересов, ибо цивилизационное самоопределение России еще не произошло¹⁰.

Того же мнения придерживается президент фонда «Политика» В. Никонов, который считает, что в будущем Россия уйдет от имперских амбиций в сторону национального государства. Новое государство будет сплочено этническим фактором (в нем подавляющее большинство будут составлять русские), а не глобальной идеей спасения человечества. Исследователь полагает, что у национализма есть шансы стать важнейшей составной частью формирующейся идеологии, так как демократия в чистом виде не сможет стать национальной идеей, ибо в России она дискредитирована десятилетием болезненных реформ¹¹.

В.А. Ачкасов полагает, что после распада СССР возникли благоприятные предпосылки к объединению в нацию-согражданство. Так, Россия – формально демократическое конституционное государство, в котором доминирует частная собственность, а в составе населения страны более 80 % русских. Исследователь видит будущее в формировании российского национального государства¹². В этом же русле находится апологетика православных идей, духовного возрождения, разговоры об особом предназначении России¹³.

Наличие таких взглядов позволяет западным политологам, в частности С. Хантингтону, рассматривать Россию как «разорванную страну» по отношению к вопросу о цивилизационной идентичности. Он считает, что споры между западниками и славянофилами приводят к ценностно-идейному дуализму, который остается неотъемлемой чертой национального характера¹⁴.

В этой связи вызывает интерес анализ русской «национальной идеи» Ю.С. Пивоваровым¹⁵. Автор называет главными чертами «русской идеи» отрицание современной жизни, царствование вечности, поэтому делает вывод о ее неприменимости к настоящему¹⁶. Однако, на наш взгляд, обойдено вниманием другое, гораздо более значимое обстоятельство. Приведем цитату из С.Л. Франка, одного из творцов данного идеологического комплекса: «Русским мыслителям совершенно чуждо представление о замкнутой на себе самой индивидуальной личностной сфере. Их основной мотив – связь всех индивидуальных душ, всех "Я" так, что они выступают интегрированными частями сверхиндивидуального целого, образуя субстанциальное "Мы"»¹⁷. Возникает вопрос: можно ли понять простому обывателю, о чем идет речь?

Вся «русская идея» состоит из подобных абстракций, что существенно отличает ее от европейской – «Свобода. Равенство. Братство» или от американской мечты – «Дом. Семья. Машина». Причем дело не только в отсутствии развития, социального времени, свободы и необходимости, как представляется Ю.С. Пивоварову. Главное в том, что она непонятна массовому сознанию, не несет для него никакой смысловой нагрузки, циркулирует внутри элитарного круга, являясь примером так называемой автокоммуникации, понятия, выработанного Ю.М. Лотманом в семиотических исследованиях¹⁸. Каналы коммуникации между элитой и массой нарушаются, когда для передачи сообщения используется непонятный код и «русская идея» не несет, по сути своей, никакого позитивного значения, кроме антизападнических настроений.

Приведенные подходы, видимо, невозможно реализовать в условиях новой специфики мирового развития, когда все яснее обозначается кризис национального государства. Его рассмотрению посвящена работа У. Бека, в которой анализируется политика современных транснациональных корпораций, увеличение их роли в мировой экономике и стремление перевести свои производственные мощности в страны третьего мира, ближе к источникам дешевой рабочей силы. Это лишает национальные европейские государства, такие как Германия или Франция с обширными социальными программами, источников налоговых поступлений и порождает большие трудности, особенно в условиях прогрессирующего старения населения¹⁹. Конечно, до того кризиса национального государства, каким представлял его себе Э. Тоффлер, еще очень далеко. Однако американский политолог прав в том, что имперские амбиции второй волны постепенно уходят в прошлое²⁰. Прежде всего, здесь играет роль неготовность стареющих наций нести даже незначительные людские потери, если сравнивать их с эпохой мировых войн. Примером является реакция американского общества на потери в Ираке, что приводит к кризису доверия власти в США.

А.Г. Вишневецкий приводит прогнозы ООН по отношению к России, по которым население страны к 2050 г. сократиться на 30 % и составит 101,5 млн человек²¹. Следовательно, имперские амбиции современной России в условиях существующей демографической ситуации не имеют под собой реальных оснований.

Путь третий – интеграция в мировое сообщество. Этот подход характерен для ряда западных политологов, апологетов глобализации, которые рассматривают будущее России в сотрудничестве с мировой экономической системой. Например, Г. Шмидт полагает, что в XXI в. США, России и Китаю предстоит взять на себя роль сверхдержав²².

Такой же позиции придерживается и С. Хантингтон, обращая внимание на дуализм во взаимоотношениях России и Запада. Исследователь считает, что в долгосрочной перспективе западная и православная цивилизации уйдут от соперничества к партнерству при условии окончательного урегулирования проблем, возникших во времена «холодной войны». С. Хантингтон связывает свои прогнозы с демографической ситуацией в конкурирующих странах, для которых характерен низкий уровень рождаемости и преобладание стареющего населения. Автор делает вывод, что у подобных обществ не бывает юношеской энергии для проведения экспансионистской политики, а следовательно, они заинтересованы друг в друге, чтобы противостоять натиску молодых цивилизаций²³.

При этом С. Хантингтон подчеркивает, что сотрудничество возможно только, если Запад признает Россию «как стержневую страну православной цивилизации и крупную региональную державу, имеющую законные интересы в области обеспечения безопасности своих южных рубежей»²⁴. Более того, в этом исследователь видит одно из условий выживания западной цивилизации в то время, когда возрастают вызовы со стороны молодых энергичных цивилизаций, например, исламской или китайской. Присоединение России к Западу, по мнению автора, сразу же станет дополнительным противовесом конфуцианско-исламскому альянсу и изменит геополитический баланс сил в Евразии.

Подобным образом высказывается и З. Бжезинский, называя единственной альтернативой для России сотрудничество с Европой и США при условии отказа от имперских амбиций. Исследователь считает, что американский потенциал намного вы-

ше, чем российский, поэтому не может быть и речи о равенстве положения в мире. Однако автор полагает, что нельзя и недооценивать возможности страны, которая не так слаба, чтобы стать просто пациентом США. Следовательно, задача последних – препятствовать объединению России с Китаем и Ираном. Исходя из своих предположений, З. Бжезинский формулирует долгосрочную стратегическую задачу США, заключающуюся в оказании поддержки демократическим преобразованиям и восстановлению экономики России с тем, чтобы не допустить возрождения евразийской империи²⁵.

Похожая риторика звучит и в официальных высказываниях руководителей США. В частности, Кондолиза Райс выступает с острой критикой концепции многополярного мира. «Многополярность, по ее мнению, – это теория соперничества, теория конкурирующих интересов и – хуже того – конкурирующих ценностей». Госсекретарь США видит будущее в преодолении исторически сложившейся модели соперничества между великими державами и подчеркивании партнерских отношений с Россией²⁶.

Российская интеллектуальная элита больше склонна к критике последствий глобализации. Так, А.И. Уткин пишет, что от данного процесса выигрывают экономически развитые страны, обеспеченные ресурсным потенциалом. Глобализация, по его мнению, лишь увеличивает разрыв между богатыми и бедными странами высокой ценой потери национальной идентичности²⁷. Критика касается также и новой модели устройства мира, в котором единственной великой державой стали США. А.И. Уткин обращает внимание, что однополярность способствует распространению имперской фразеологии в американском обществе²⁸. Конечно, это не может не вызывать ответной реакции у российской элиты. Однако, несмотря на национальное своеобразие России, которое просто бессмысленно оспаривать, необходимо отметить одно важное обстоятельство, касающееся хода русской истории, а именно: все успехи России были связаны с принятием западной модели модернизации. Следовательно, современный процесс глобализации представляется явлением необратимым.

Безусловно, Россия – часть западной цивилизации, имеющая при этом собственную многовековую культурную традицию, которая не позволит ей стать полностью интегрированной копией Запада. Вовсе не нужно подвергать сомнению факт того, что либеральная демократия серьезно дискредитированна длительным периодом неудачных реформ, поэтому современная российская демократия уже имеет специфическую окраску. Однако, например, В.А. Никонов положительно оценивает возможности России по интеграции в мировое сообщество и взаимодействию с США²⁹. Понятно, что сотрудничество с Западом возможно только на определенных условиях для России, на которые недвусмысленно указывает З. Бжезинский, а именно: демократическое и национальное государство, отказавшееся от экспансионистских стремлений³⁰.

В любом случае развитие одного из представленных вариантов неизбежно повлечет за собой и смену идеологии. По мнению О.В. Кишенковой, современная политическая элита должна приложить максимум усилий, чтобы преодолеть идеологический хаос и негативные тенденции девальвирования идейных ценностей последних лет³¹. Кстати, и по данной проблеме у исследователей нет единого мнения.

Наиболее популярной темой является подражание имперскому мифотворчеству³². Например, Г.В. Осипов, как бы вторя С.С. Уварову, предлагает новую триаду, способную объединить российское общество, положить начало формированию национальной идеи: духовность (примат добра над злом), народовластие (общественный контроль над государством), державность (равенство всех народов и этнических групп, исторически тяготеющих к русской национально-культурной общности)³³. Однако, на наш взгляд, такой подход ведет к изоляции России, от которой страна уже пыталась избавиться, прорвав «железный занавес».

С другой стороны, идеологи западной модели модернизации предлагают в фундамент нового общества положить ценности индивидуализма, но не бездумно, а с учетом традиционных воззрений³⁴. Так, Л. Новикова и И. Сиземская справедливо считают, что либерализм не может быть единственным и оптимальным средством в решении накопившихся проблем, поэтому его потенциал не стоит преувеличивать³⁵.

Б. Славный обращает внимание, что на Западе на смену политике «социального государства» приходит стратегия, в которой главной целью ставится задача обучить человека «зарабатывать себе на хлеб, а также создать условия, чтобы он мог применить это условие на практике»³⁶. По-видимому, этот принцип можно и нужно взять за основу российского общества, привыкшего к государственной поддержке.

Таким образом, необходимо отказаться от культивирования национальной исключительности и апелляции к таинственной и смутной по содержанию «русской идее». Глобализация, на данный момент, предстает как необратимый процесс, в котором наша страна должна найти свое место, тем более что Западу нужна сильная и процветающая Россия и сотрудничество с ней. И это не просто риторика официальных лиц, таких как К. Райс. Это, возможно, одно из условий выживания западной цивилизации перед лицом исламского и китайского вызова, не говоря уже о заинтересованности в России как в стабильном и предсказуемом поставщике энергоносителей. Но, конечно, придется принять «правила игры» Запада – демократическое национальное государство и никаких имперских амбиций, никакой особой евразийской миссии. Отказ от имперской идеологии – не слишком большая потеря для страны с множеством внутренних проблем и медленно вымирающим населением.

¹ *Осипов Г.В.* Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. С. 396.

² *Смолин М.Б.* Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005. С. 6.

³ *Липкин А.* «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия // *Общественные науки и современность*. 1995. № 2. С. 67.

⁴ *Cousins N.* The pathology of power. L., 1987. P. 204.

⁵ *Ачкасов В.А.* «Имперский ренессанс» и легитимность власти в современной России // *Власть, государство и элиты в современном обществе*. Пермь, 2005. С. 63.

⁶ *Филиппова Т.* Мифы о власти и для власти // *Россия: третье тысячелетие*. Вестник актуальных прогнозов. 2003. № 1. С. 15.

⁷ *Артамонов В.* Катастрофы в истории русской государственности // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С. 61–68. Автор полагает, что катастрофы государственности в русской истории приводили в последующем к периодам длительной самоизоляции. Распад СССР является одной из таких катастроф.

⁸ *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 214–215.

⁹ *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. С. 148–149.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ *Никонов В.* Соблазн особого пути: Россия – 2013: незападный Запад // *Россия в глобальной политике*. 2002. № 3. С. 39.

¹² *Ачкасов В.А.* Указ. соч. С. 59.

¹³ *Бачинин В.А.* Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом. Исторические очерки политической теологии и культурной антропологии. СПб., 2005. С. 346. Автор полностью погружен в сознание прошлого, поэтому считает христианскую идею единственно возможной национальной идеей для России.

¹⁴ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 218. История России, по мнению автора, есть борьба между тенденцией модернизации и вестернизации и православной евразийской цивилизацией, уникальная судьба которой стать связующим звеном между Востоком и Западом.

¹⁵ *Пивоваров Ю.С.* Полная гибель всерьез: Избранные работы. М., 2004. С. 152–195.

¹⁶ Там же. С. 190–191.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 166. Об идеях С. Франка см.: Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 194–208; Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 2. С. 150.

¹⁸ *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // *Труды по знаковым системам*. Таллин, 1973. Т. 6. С. 227–243.

- ¹⁹ **Бек У.** Что такое глобализация? М., 2001. С. 3–24. Автор пишет, что главной ошибкой глобализма являются ответы на глобализацию, которые ведут к разрушению потенциала высокоразвитых государств.
- ²⁰ **Тофлер Э.** Третья волна. М., 1999. С. 173. Автор пишет о распаде национальных государств на экономические регионы, связанные между собой.
- ²¹ **Вишневский А.Г.** Великая малонаселенная держава // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. С. 64.
- ²² **Шмидт Г.** Бремя глобальной ответственности // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 26; Эллисон Г. Худшее еще впереди? // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 40–47; Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С. 71.
- ²³ **Хантингтон С.** Указ. соч. С. 389–390.
- ²⁴ Там же. С. 514.
- ²⁵ **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. (Господство Америки и ее геостратегические императивы). М., 1999. С. 128–173.
- ²⁶ **Райс К.** Полос свободы и справедливости // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. С. 76. Е.М. Примаков возражает К. Райс, обращая ее внимание на наличие в американских правительственных кругах группы «силового давления», которая уверена в том, что США остаются единственной сверхдержавой. См.: Примаков Е.М. Мир без сверхдержав // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. С. 85.
- ²⁷ **Уткин А.И.** Глобализация. С. 140–144, 167–186.
- ²⁸ **Уткин А.И.** Под сенью новой империи: Америка поверила в свою исключительность // Россия в глобальной политике. 2002. № 2. С. 53. Автор приводит любопытные выдержки из «Нью-Йорк Таймс», влиятельной американской газеты. Например, в статье Э. Икина открыто заявлено, что «сегодня Америка не сверхдержава и не гегемон, это полнокровная империя на манер Римской и Британской. Таково общее мнение наиболее заметных комментаторов и ученых нации».
- ²⁹ **Никонов В.А.** Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 78–98.
- ³⁰ **Бжезинский З.** Указ. соч. С. 156–165.
- ³¹ **Кишенкова О.В.** Консерватизм как «идеологическая подкладка под власть» // Власть. 2000. № 2. С. 48.
- ³² **Галкин А.А.** Консерватизм: вчера и сегодня // Власть. 2000. № 2. С. 37–46; Дахин А.В. Свежее дыхание имперской идеи // Политические исследования. 2004. № 1. С. 32–33; Кишенкова О.В. Указ. соч. С. 48; Филиппова Т. Указ. соч. С. 15–16; Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Политические исследования. 1997. № 4. С. 88–96.
- ³³ **Осинов Г.В.** Указ. соч. С. 400–402.
- ³⁴ **Соловьев А.И.** Технологии администрирования: политические резонансы в системе власти современной России // Политические исследования. 2004. № 6. С. 105–108; Рац М.В. «Российский проект в глобальном контексте». Идеология развития и ее действие в политике // Политические исследования. 2001. № 6. С. 175–179; Перегудов К.В. Личность и власть: проблема гуманизации системы властных отношений // Власть в России: теория, традиции, перспективы: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 49–55; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы // Политические исследования. 1998. № 2. С. 39–52; Никонов В.А. Соблазн особого пути... С. 36–53.
- ³⁵ **Новикова Л., Сиземская И.** Идеиные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 135.
- ³⁶ **Славный Б.И.** Проблема власти: новое измерение // Политические исследования. 1991. № 5. С. 44.